

УДК 321.728(497.11) + 323.1(497.11) + 37.014

А. А. Михайлова

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КАК ДВИЖУЩИЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕРБИИ XIX в.

Анализируются проблемы национального строительства в Сербии после обретения ею суверенитета в XIX в. в условиях патриархально-аграрного традиционализма. Рассматриваются вопросы о формировании национальной элиты в сербском обществе как движущей силы модернизационных процессов и путях заимствования западноевропейских идей и ценностей сербским правящим классом.

Ключевые слова: Сербия; модернизация; интеллигенция; образование; либералы.

Изменения политической карты Балканского региона на рубеже XX—XXI вв. сделали актуальной проблему пересмотра национальной истории для многих его народов, в том числе и для сербов. В частности, это выразилось во всплеске научного интереса к истории становления сербской государственности в Новое время, когда были выработаны основные принципы реализации и защиты сербских национальных интересов через сложившиеся общественные институты, а также механизмы их регулирования.

Анализ современной сербской и идущей ей вслед российской историографии по данной проблеме позволяет делать вывод о выраженном тяготении большинства исследователей к опоре на теорию модернизации. Основные положения данной теории указывают на то, что традиционные аграрные общества в своем развитии рано или поздно приходят к необходимости перенимания и освоения опыта передовых стран мира как в области технологий, так и в отношении самих способов общественного функционирования. Однако такого рода заимствования не всегда приводят к одинаковым и предсказуемым результатам.

Это наблюдение в полной мере относится и к проблеме сербской модернизации, отчетливые признаки которой обнаруживаются со второй трети XIX в. Вплоть до Первой мировой войны модернизационный фактор играет ведущую роль в построении и развитии сербского национального государства, а его важнейшей чертой становится стремление адаптировать к сербским условиям варианты западноевропейских общественных институтов и других достижений либеральной мысли. Однако заимствования не обеспечили Сербии искомый путь развития, свойственный передовым европейским странам. Именно вследствие своей противоречивости сербская модернизация получила в историографии такие характеристики, как «иррациональная», «имитационная», «отсроченная», «регенерирующая» отсталость, «догоняющее» развитие, «модернизация без модерности», «эволюция без развития» и т. д. [см.: Palairet; Дарендорф, с. 31—35; Шемякин, 1998, с. 18; Popović-Obradović, с. 321; и др.]. Причины несоответствия полученного эффекта ожидавшимся сдвигам многие историки склонны видеть в природе сербского социума. Население в массе

своей тяготело к сохранению и защите архаичных патриархальных порядков, что было связано с доминированием аграрных методов хозяйствования и господством общинного принципа принятия решений. К этому добавлялось стремление сербов утвердить свою национальную самобытность, обеспечивавшую им легитимные основания для дальнейшего расширения территории страны. Эти обстоятельства содействовали отторжению обществом организационных инициатив, угрожавших расслоением и дезорганизацией существовавшей общественной структуры, что, в свою очередь, приводило к возникновению социокультурного противоречия между стремлением оградиться от перемен и необходимостью с ними считаться [см.: Ахиезер, с. 58].

Вместе с тем данное противоречие неизбежно влекло за собой модификацию бытовавшей культуры и приводило к конструктивным изменениям в эволюции сербской государственности. В этой связи особого внимания заслуживает вопрос об истоках творческой энергии, направлявшей общественное развитие в сторону освоения достижений европейской цивилизации. Попытаемся углубиться в тонкости внутрисоциальных процессов, рассмотрим природу движущих сил модернизационных процессов в Сербии в XIX в., а также сделаем попытку оценить эффективность этих сил в утверждении новых принципов функционирования сербского патриархально-аграрного общества.

Деятнадцатый век стал для Сербии временем поиска путей ее самостоятельного развития. В 1804 г. сербы развернули борьбу за ликвидацию вассальной зависимости от турецкого султана и за право создания собственного государства. Это привело к обретению ими автономии в 1830 г. в границах бывшего Смедеревского санджака Османской империи. В 1867 г. последний турецкий гарнизон покинул пределы автономного княжества, а в 1878 г. Сербия обрела независимость. В целях соответствия европейской традиции в 1882 г. Сербия объявила себя королевством [см.: Љушић, с. 200]. В 1888 г. в стране была принята первая либеральная конституция, однако ее действие оказалось непродолжительным, и более прочное утверждение гражданских прав в Королевстве произошло лишь в начале XX в. Таким образом, почти целое столетие сербы осваивали принципы создания государства современного типа.

Многовековое турецкое владычество, нарушившее континуитет сербской истории, способствовало тому, что строительство собственного государства сербам пришлось начинать практически «с нуля». К началу XIX в. в ряде сербонаселенных районов Османской империи существовало ограниченное самоуправление, выражавшееся в действии народных собраний, на которых выборные кнезы, кметы, главы задруг и прочие уважаемые люди занимались распределением налогов и решением общественно важных проблем [см.: Формирование национальных независимых государств ..., с. 94]. Однако традиционной элиты, т. е. аристократии и правящего слоя, у сербов в турецкий период не было [Žene kao deo elite ..., с. 251]. В условиях господства натурального хозяйства сербское население было преимущественно сельским, что обеспечивало ему социальную однородность [см.: Ristić, р. 185–195]. События начала XIX в., в конечном итоге послужившие обретению Сербией автономии, актуализировали проблему формирования в ней собственного правящего слоя.

Первый правитель автономной Сербии и его окружение были людьми «из народа», не обладавшими навыками элементарной грамотности [см.: Marinković]. Их право на руководящие позиции обосновывалось личным вкладом в дело народного освобождения и собственной популярностью в народе [см.: Белов, с. 17]. Со временем в Сербии утвердилась система династического монархического правления, способствовавшая формированию традиционной элиты. В нее вошли члены династии и их окружение, государственная бюрократия, высшие военные чины, духовенство и представители крупного торгового капитала [см.: *Žene kao deo elite ...*, p. 252]. Однако упомянутые круги вряд ли могли быть двигателем модернизационных процессов, скорее наоборот. Для власти модернизация означала конец авторитарности, для церкви — снижение ее политической роли, для армии — утрату привилегий и влиятельных позиций, для предпринимателей — сужение и без того узкого рынка. Иными словами, для традиционной элиты, как и для самого традиционного общества, модернизация не представляла собой особой ценности.

Ответом на вопрос, кто делает модернизацию, может служить утверждение британского историка А. Тойнби о том, что эта заслуга принадлежит творческому меньшинству, которое обладает способностью выдвигать новые идеи и претворять их в жизнь посредством своего личного дарования и авторитета. При этом он указывает, что традиционная элита обладает склонностью к замыканию в самовоспроизводящуюся касту и к утрате своего творческого ресурса [см.: Кисель, с. 411]. В Сербии в XIX в. таким «творческим меньшинством» становились отдельные личности, чаще всего специалисты, обладавшие не свойственными большинству знаниями и умениями, считавшие проблему обновления страны делом собственной чести. В отличие от обывательского большинства, они старались мыслить далеко вперед и осознавали назревшую необходимость в проведении перемен во всех сферах жизни общества, а потому всей своей деятельностью пытались изменить вековые порядки и утвердить всевозможные новшества. Эти люди решали задачи поиска ресурсов для реализации проектов национального значения, зачастую долгосрочных, что напрямую не было связано с насущными потребностями обывателей. Иными словами, речь идет о формировании в сербском обществе, помимо традиционной элиты, прослойки патриотически мотивированных интеллигентов. Стоит отметить, что внутренних условий для выделения в сербском обществе интеллектуальной элиты практически не было, поэтому обстоятельства формирования этой социальной группы заслуживают особого внимания.

Появление инициативных интеллигентов на исконно сербской основе затруднялось из-за повсеместной неграмотности населения в Сербии в XIX в. В 1865 г., например, по оценкам современников, грамотных людей в стране было всего около 4 % [см.: Vivian, p. 265]. Люди, владевшие навыками чтения и письма, проживали преимущественно в городах и чаще всего были заняты на государственной службе. Однако большинство населения было сельским и вело натуральное хозяйство. К началу XX в. в неземледельческой сфере по некоторым сведениям было занято лишь 13 % населения, но и они преимущественно не утрачивали связь с землей, что делало весьма размытой грань между городом и

селем [см.: Шемякин, 1998, с. 18]. Обезземеливанию крестьян и урбанизации препятствовал также Закон о народном благосостоянии 1873 г., вводивший неотчуждаемый аграрный минимум [см.: Шемякин, 2004, с. 20]. Лишь в конце XIX в. в селах стали появляться грамотные люди, но их число было крайне скромным. В современной краеведческой литературе встречаются, например, такие сведения: «первые грамотные люди в селе Янья (ст. назв. Левача) появились в 1884 г., из 198 жителей их было пятеро» [Велюжић, с. 102]; «...по данным переписи 1895 г. в селе Татрасница из 485 жителей грамотных было всего трое» [Лукић, с. 61].

Для последней трети XIX в. сохранение столь низкого уровня грамотности населения может вызвать некоторое недоумение. Развитие государственной бюрократической системы, судебно-правовых стандартов, печатного дела и политика в сфере просвещения в целом, казалось бы, должны были поставить население перед необходимостью освоения минимальных навыков обращения с бумагой и буквенно-знаковыми символами. Между тем этого не происходило. Причиной чаще всего было отсутствие весомой мотивации к освоению знаний в условиях сохранения традиционализма, с одной стороны, и посредственность политики, проводившейся государством в этом отношении, — с другой. Потребности сельчан в письме (к примеру, при составлении писем, жалоб и прочих бумаг) обеспечивались услугами сельского писаря, способностей которого было достаточно для удовлетворения нужд всего окрестного населения. Сельский писарь являлся штатным сотрудником правления општинны (административной единицы, объединявшей в себе одно-два села, один город или часть города) [см.: Два века првог суда..., с. 13]. Через это же правление осуществлялось информационное обслуживание населения. По настоянию правительства все општинские правления (а точнее, их структурная основа — општинские суды) должны были в обязательном порядке выписывать центральные газеты [см.: Гацовић, Вельковић, с. 11]. Впрочем, в силу того, что подписка на газеты не гарантировала их прочтения, правительству приходилось самому брать на себя функцию информационного агента и посредством специальных указов оповещать население о важнейших событиях в стране, своих инициативах и новшествах в законодательстве. Такие оповестительные письма зачитывались председателем општинского суда на общем собрании жителей населенного пункта, благодаря чему на протяжении всего XIX в. население не испытывало неудобств, связанных с неумением читать и писать.

Правительство пыталось повлиять на эту ситуацию путем развития школьного образования. Конкретные шаги в этом направлении были предприняты еще в 1835 г., когда по всей Сербии при церквях и монастырях стали открываться начальные школы, перед которыми ставилась задача воспитания «благочестивых христиан, уважаемых и полезных граждан» [Јовановић, с. 5]. Сербские школьники изучали азбуку, азы арифметики, обретали представления о географии и истории своей страны, но главный упор делался на религиозное воспитание. Учителями поначалу были духовные лица, так как считалось, что именно они могли воспитать в человеке лучшие моральные качества. Количество учеников, приходившихся на одну школу, в период автономного княже-

ства в среднем колебалось в пределах десяти. Одна школа обслуживала около трех окрестных сел, но случалось, что она была единственной для более чем десяти населенных пунктов области¹. Из-за удаленности школ детям нередко приходилось покидать свой дом на всю учебную неделю с понедельника до субботы, жить в пришкольных бараках в антисанитарных условиях и питаться привезенным с собой сухим пайком. Такие условия не привлекали родителей, которые к тому же лишались рабочих рук в доме. Поэтому посещение ребенком школы для семьи сельчанина становилось вдвойне убыточной затеей. Эти обстоятельства не способствовали популяризации школы среди населения, особенно в условиях, когда обучение в них было рекомендованным, но не обязательным. В Тимокском крае, например, по подсчетам краеведов, в 1897 г. на 1 тыс. человек приходилось около 45 учащихся, причем многие из них лишь числились на бумаге, а на занятиях не появлялись [см.: Ничић, с. 68]. После обретения Сербией независимости, кроме начальных школ, стали открываться низшие (4 класса) и высшие (8 классов) гимназии. Учениками этих заведений становились дети торговцев, ремесленников, чиновников. Дети зажиточных земледельцев, как правило, учились не более 4 лет. В начале XX в. участились случаи поступления в гимназии детей других категорий населения, но, как правило, они их не заканчивали из-за нехватки средств на обучение и собственное содержание [см.: Гимназија и стручне школе..., с. 6].

Другой мерой в сфере просвещения, направленной на популяризацию знаний, было открытие читален. Первые читальни открылись в 1846 г. в Белграде, в Крагуевце, Пожаревце, Смедереве, Неготине. Они открывались по распоряжению Министерства просвещения, но на средства самих горожан. Характерно, что из-за малого числа посетителей вскоре все читальни, кроме белградской, прекратили свою работу. Впоследствии они вновь открывались и закрывались по тем же причинам и в итоге, вопреки своей целевой функции, становились для местных жителей местом проведения досуга за кофе и разговорами [см.: Гацовић, Вельковић, с. 14; О Нишкој читаоници].

Глубинные причины равнодушия обывателей к печатному слову следует искать и во внутренней природе сербского общества, отличительной чертой которого было стремление к сохранению своей однородности. Человек, научившийся читать и писать, обретал навыки, не свойственные людям своего окружения, т. е. навыки, не связанные с земледелием, животноводством или мелкой торговлей, а потому выбивался из коллектива, наталкиваясь на непонимание и даже неодобрение. Более того, социальная одинаковость и неприятие индивидуальности были не только способом стабильного существования общества, но и воспринимались как неперемненное условие национального единения и сохранения национальной идентичности [см.: Stojanović, 2008]. Этот культурный код был весьма устойчивым и транслировался из поколения в поколение. В таких условиях люди, проявившие склонность к знаниям и овладевшие навыками чтения и письма, чаще всего покидали родные места, уходи-

¹ Например, начальная школа монастырского типа в Турековце, основанная в 1873 г., обслуживала 13 сел, а школа в Мрштане, открытая в 1890 г., — 9 сел [Преглед архивских фондова..., с. 112].

ли в город и устраивались на государственную службу [см.: Гацовић, Вельковић, с. 15]. Таким образом, порядки, существовавшие в сербском обществе, не только не вызывали в нем внутренних потребностей в модернизации, но и становились препятствием на пути тех, кто начинал осознавать необходимость в осуществлении перемен для достижения процветания страны.

В подобных обстоятельствах главным источником формирования сил, вовлекавших сербское общество в социально-политические и экономические трансформации, становились внешние импульсы. Важнейшую роль в образовании «творческого меньшинства» сыграли сербы из сербонаселенных областей империи Габсбургов, в частности Воеводины — области, граничившей с автономным княжеством Сербия [Batakovich, 2002b, p. 336]. Воеводинские сербы обладали церковно-школьной автономией, на основе которой у них функционировала развитая система образования [см.: Бешлин, с. 69]. Это позволяло им поддерживать более высокий уровень грамотности среди населения, чем в соседней Сербии. Кроме того, сербы в Габсбургской империи обладали возможностью получать образование в других частях страны, например в словацких протестантских школах. Поэтому при формировании системы образования в автономном Княжестве Сербия в качестве преподавателей стали приглашаться преимущественно сербы из-за р. Савы. Эти люди не только обучали своих соплеменников грамоте и прочим дисциплинам, но и привносили в сербское общество идеи западнолиберального толка.

Позднее был освоен и обратный механизм перенимания зарубежных знаний и опыта. Молодых людей, проявивших усердие к учебе в школе, правительство Сербии стало посылать на обучение в другие страны — Германию, Францию, Швейцарию и Россию. Первых студентов за государственный счет отправили в 1839 г. Это была небольшая группа из 10 молодых людей не старше 22 лет. Позднее стали отправлять по 12 человек ежегодно. Студенты подписывали обязательство, согласно которому по окончании обучения они должны были отработать на государственной службе столько же лет, сколько государство оплачивало их учебу и проживание за рубежом (в среднем три года). Дважды в год они отчитывались перед Министерством просвещения о своей семестровой успеваемости. Если студент был недостаточно прилежным, легкомысленным или неспособным, его лишали стипендии [см.: Milanović, с. 71]. К концу XIX в. на учебу за рубеж стали самостоятельно отправлять своих детей и состоятельные родители. По некоторым подсчетам до начала 80-х гг. XIX в. всего образование за рубежом смогли получить около четырехсот сербов [см.: Екмечић, с. 244]. Возвращаясь на родину, эти молодые специалисты становились чиновниками, политиками, педагогами, писателями и в ходе своей деятельности переносили на сербское общество усвоенные ими за время учебы идеи и ценности, оказывая тем самым заметное влияние на политическую и культурную жизнь Сербии.

В результате такой политики у власти в Сербии стали появляться люди, не просто получившие образование, но и испытавшие на себе все преимущества государственного устройства передовых европейских стран. Их желание внедрить зарубежный опыт в родной стране становилось вполне закономерным.

Так, в середине XIX в. к власти в автономном Княжестве Сербия пришли так называемые уставобранители (защитники конституции). С целью модернизации своей страны они привлекли сотни образованных сербов из Австрии, приверженцев правовых методов управления, для работы в весьма скромном государственном аппарате. Они стремились вытеснить турецкий стиль правления Милоша Обреновича и утвердить европейскую модель централизованной администрации. В 1844 г. ими был утвержден Гражданский кодекс Сербии, сочетавший австрийское право и кодекс Наполеона. Кодекс делал всех граждан равными перед законом и гарантировал защиту частной собственности. Усилия уставобранителей были также направлены на организацию постоянной судебной системы и пропаганду образования среди сельчан. Однако бюрократизация, которую они ввели, обернулась бременем, еще более отделившим сельские массы от гражданских служащих, постепенно становившихся небольшой привилегированной социальной группой.

В конце 50-х гг. на смену уставобранителям пришли юные либералы, принесшие с собой из-за рубежа романтические идеи нации, французское понимание народного суверенитета, английское видение парламентаризма, бельгийские представления об институте конституционной монархии. Безаристократичность сербского общества виделась им залогом установления демократических порядков в стране [см.: Bataković, 2002a]. Поэтому их борьба была направлена в первую очередь на утверждение представительской системы власти [см.: Popović-Obradović, с. 57]. Итогами борьбы стала реформа государственного управления 1861 г., наделившая Скупшину полнотой законодательной власти, а также Конституция 1869 г., провозгласившая Сербию наследственной конституционной монархией.

На зарубежные образцы во многом ориентировались и сами монархи. Так, князь Михаил Обренович (годы правления 1839–1842, 1860–1868), проведя почти 18 лет в изгнании (большой частью в Вене и Пеште), возвратился оттуда европейским джентльменом и был одержим желанием преобразить Сербию на европейский манер. Он поощрял развитие образования и культуры, пытался придать Белграду образ европейской столицы. Европейское образование получил и князь Милан Обренович (1868–1882, 1882–1889), что в дальнейшем отразилось на его внешнеполитических пристрастиях.

Важным следствием появления и деятельности такой «нетрадиционной» элиты в Сербии стало образование в начале 1880-х гг. политических партий — либеральной, радикальной и напредняцкой (прогрессивной). Деятельность последней, достигшей влияния в 80-е гг., как раз основывалась на стремлении «превратить патриархальную страну в современное европейское государство». Однако широкой опоры для выполнения своей объективно буржуазной программы развития независимой Сербии по пути, уже пройденному большинством развитых европейских стран, она не нашла [Шемякин, 1997, с. 140]. Кроме того, объем заимствований со всей очевидностью начал «перегружать» идентичность, что создавало определенный общественный диссонанс [см.: Хантингтон, с. 107]. С этим же фактором связан и ощутившийся кризис либерализма. Либеральная конституция, принятая в 1888 г., была отменена в 1894 г.

На этой волне все большую популярность стала приобретать радикальная партия (почвенники), свою главную задачу видевшая в решении проблем общенародного характера, понятных не только узкому кругу интеллектуалов, как в случае с модернизацией, но доступных и близких широким кругам населения. Она выступала против засилья бюрократии, за расширение самоуправления снизу доверху и прочие демократические преобразования, а главное, переносила акцент с модернизационных задач на проблему объединения всего сербского народа в границах единого государства [см.: Шемякин, 1997, с. 143]. Таким образом, одной из причин, по которым Сербия не смогла достигнуть желанных перспектив к концу XIX — началу XX в. стало несоответствие предпринимаемых правящими кругами инициатив интересам обывательского большинства, а точнее, неспособность правительства и общества двигаться в одном направлении и действовать во благо общей цели.

Между тем нельзя недооценивать и определенные успехи в деле сербского государственного строительства в XIX в. Путем примерки на свое государство разнообразных западных идей и достижений сербы смогли найти вполне приемлемую для них формулу ведения национальной политики, утвердившуюся после смены династии в 1903 г. Сбалансированность между ориентацией на Запад и защитой национальных интересов позволила им достичь качественных сдвигов в политической и социально-экономической жизни страны в предвоенные годы [см.: Stoyanovitch, 1919, с. 22]. Однако Первая мировая война и последовавшие за ней изменения геополитического пространства в очередной раз нарушили естественный ход сербской истории и привели к необходимости поиска новых решений.

Другим важнейшим следствием эволюции сербской государственности в XIX в. стало появление в обществе нового социального слоя образованных людей — специалистов, т. е. «нетрадиционной» элиты, или, как ее еще называют в сербской историографии, «запланированной» элиты². В силу того, что ее формирование происходило не на внутринациональной основе, а преимущественно в западноевропейском информационном поле, между интеллигенцией и обществом, которому она была призвана служить, образовалась огромная мировоззренческая дистанция. Низкий уровень образования населения способствовал тому, что интеллигенция становилась обособленной и довольно замкнутой группой, а ее попытки вывести общество на путь преодоления традиционализма были малорезультативными. Создававшееся противоречие нередко приводило и к обратному эффекту: сила традиции лишала элиту ее творческого потенциала. Оказываясь у власти или вступая во взаимодействие с капиталом, элита нередко утрачивала свой модернизационный потенциал и амбиции, отказывалась от политики перемен, замыкалась на достигнутом и коррумпировалась, обнаруживая явные преимущества для себя в управлении неразвитым обществом [см.: Stojanović, 2009, с. 397]. Поэтому конечный ре-

² Элита, появившаяся благодаря намеренной политике государства по привлечению преподавателей из-за границы и обучению специалистов за пределами страны [см.: Trgovčević].

зультат всех преобразований и их продуктивность напрямую зависели лишь от личного потенциала, сознательности, энтузиазма и инициативы отдельных личностей, посвятивших свою жизнь делу обновления Сербии, противостоящих традиционализму, бюрократическим проволочкам и прочим преградам и воспринимавших свою борьбу как частную миссию. К таким деятелям можно отнести, например, Владана Джорджевича (1844–1930), много сил отдавшего просветительской работе, реформированию системы здравоохранения Сербии, обустройству Белграда на современный манер и решению других государственно важных проблем, или профессора Высшей школы в Белграде, председателя комиссии по электрификации Джордже Станоевича (1858–1921), самоотверженно боровшегося с консерватизмом общественного мнения и чиновничьей волокитой, затруднявшими возведение новых электростанций. В книге Йована Николича «Они строили современную Сербию» упоминается более трехсот персоналий, чей жизненный путь был посвящен делу обновления Сербии [см.: Николић, с. 3].

Таким образом, человеческий потенциал сербской модернизации, появившийся в XIX в., представлял собой достаточно немногочисленную и разрозненную силу, действовавшую скорее над сербским обществом, нежели внутри него. Интеллигенция для сербского общества была относительно новым явлением, а потому не обладала необходимым авторитетом, опытом и навыками для проведения преобразований, что и помешало ей оперативно вывести страну на путь прогрессивного развития.

Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991.

Белов М. В. Мифология «человека из народа» в Сербии первой половины XIX в. // Человек и общество: опыт взаимодействия. СПб., 2010.

Бешлин Б. Српски либерализам у 19 веку — генеза, идеје, страначке поделе // Зборник матице српске за историју. 2003. № 67/68.

Велојић М. Развој писмености у старопланинском насељу Јања // Архивско наслеђе. 2006. № 4.

Гацовић С., Вельковић С. Од читалишта до народне библиотеке у Зајечару, 1866–1996. Зајечар, 2001.

Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. 1993. № 5.

Два века првог суда у Србији. Београд, 2004.

Екмечић М. Стварање Југославије, 1790–1918. Књ.1. Београд, 1989.

Јовановић Д. Основне школе у Јагодинском округу до 1850. године. Јагодина, 2010.

Киссель М. А. Тойнби // Современная западная философия : словарь. М., 2000.

Лукић С. Развој писмености у насељу Татрасница // Архивско наслеђе. 2006. № 4.

Љушић Р. Српска државност 19. века. Београд, 2008.

Николић Ј. В. Градили су модерну Србију. Београд, 2006.

Ничић Д. Школство у Тимочкој крајни / Развитак. 1970. № 3.

О Нишкој читаоници // Нишке новине. 1886. 1 мај.

Преглед архивских фондова и збирки. Лесковац, 2004.

Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

- Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868—1891). М., 1998.
- Шемякин А. Л.* Сербская национальная идея в 1878—1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против : очерки истории национальных идеологий югославянских народов, конец XVIII — начало XX в. М., 1997.
- Шемякин А. Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) СПб., 2004.
- Batakovich D. T.* Belgrade in the nineteenth century. A historical survey // J. of the North American Society for Serbian Studies. Washington, 2002a. N.16 (2).
- Bataković D. T.* Liberalizam u seljačkoj zemlji // НИИ. 2002b. № 2670.
- Marinković M.* Knez Miloš i njegovi savetnici i činovnici: Jedna politička i državotvorna generacija // Српско наслеђе. 1998. № 11.
- Milanović J.* Društvene pojave u Srbiji XIX veka. Beograd, 2002.
- Palairot M.* The Balkan economies c. 1800—1914: evolution without development. Cambridge, 1997
- Popović-Obradović O.* Kakva i kolika država: Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX—XXI veka. Beograd, 2008.
- Stojanović D.* Problems of modernisation in Serbia at the start of the twentieth century [Electronic resource]. URL: http://www.bosnia.org.uk/news/news_body.cfm?newsid=2527.
- Stojanović D.* Speed-clutch break: modernization of Belgrade, 1890—1914 // Стојановић Д. Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда, 1890—1914. Београд, 2009.
- Stojanovitch C.* Economic problems of Serbia. Paris, 1919.
- Trgovčević Lj.* Planirana elita. O studentima iz Srbije na evropskim univerzitetima u XIX veku. Beograd, 2003.
- Тене као део елите у Србији у 19. веку. Отварање питања // Дијалог повјесничара-историћара. 2002. N. 1.

Статья поступила в редакцию 15.10.2011 г.